

ЕЛЕНА ДИЛОН

ДОМ,
КОТОРЫЙ
НЕ СПИТ

Елена Дилон

Дом, который не спит

<https://litres.ru/74105698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Здесь зло не ломает двери и не кричит в темноте — оно спокойно переписывает прошлое, пока человек сам не становится его частью.

Марта Ракитина приезжает в старый дом за липовой аллеей, чтобы оформить наследство и уехать. Она привыкла работать с архивами и распознавать подделки, но теперь подделывают не бумагу, а ее память, страх и право сказать «нет».

Чтобы выбраться, Марте придется понять, что скрывает северная комната, которой нет на плане, и почему прежние владелицы не жили в доме.

«Дом, который не спит» — психологический хоррор о наследстве, которое не принимают. Им становятся.

Содержание

Глава 1. Дом за липовой аллеей	4
Глава 2. Комната, которой нет на плане	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дом, который не спит

Глава 1. Дом за липовой аллеей

Липовая аллея началась внезапно.

До неё дорога была обычной: разбитый асфальт, мокрые обочины, серые поля за низкими заборами, редкие столбы с проводами. Навигатор уверенно вёл Марту Ракитину последние двадцать километров, потом вдруг кашлянул металлическим голосом, показал прямую линию через пустое место и отключил маршрут.

На экране осталось только её синее положение посреди бледной карты.

Марта притормозила.

Впереди дорога сужалась и входила между двумя рядами старых лип. Деревья стояли слишком ровно. Не так, как растут деревья у просёлочной дороги, а так, как их ставят на плане: одинаковое расстояние между стволами, одинаковый наклон ветвей к центру, одинаковая тёмная арка над проездом. Вечер застрял в кронах густой серой массой.

Она достала из бардачка бумажную распечатку маршрута, сверила поворот и посмотрела на часы.

17:42.

До темноты оставалось достаточно времени, чтобы войти, осмотреть первый этаж, проверить пломбы, снять состояние

помещений и не ночевать в доме. В идеале — вообще не ночевать. Дом, полученный по завещанию, был не подарком, а задачей: оформить, описать, оценить, закрыть.

Марта не любила незавершённые дела. Особенно те, где бумаги лежали красивее, чем правда.

Она выключила навигатор, положила телефон в карман куртки и поехала дальше.

Липы сомкнулись над машиной почти сразу. Внутри аллеи стало темнее, хотя небо ещё не погасло. Капли недавнего дождя падали с листьев на лобовое стекло с глухими, редкими ударами. На третьей сотне метров Марта заметила, что звук шин изменился: асфальт под колёсами исчез, сменился старой каменной укладкой. На распечатке её не было.

Она остановилась у ворот.

Дом стоял в конце аллеи — широкий, тёмный, с высокой крышей и узкими окнами, которые не отражали небо. Два этажа, мезонин, боковая пристройка, глубокое крыльцо. Фасад не разваливался, не просил ремонта, не демонстрировал привычной старческой беспомощности. Он выглядел собранным.

Это Марте не понравилось больше трещин.

Заброшенные дома распадаются честно: проседают ступени, облезает краска, провисают ставни, вода делает своё дело. Этот стоял так, будто его привели в порядок не для жизни, а для приёма.

Ворота были открыты.

Марта не вышла сразу. Она достала папку с документами, проверила копию постановления нотариуса, акт опечатывания и фотографию пломбы, приложенную к письму управляющего. По бумагам после смерти Агнии Сергеевны Ракиной дом закрыли, внешний замок опечатали, ключи передали нотариусу.

На воротах пломба была.

Тонкая серая лента с печатью висела на месте. Только в середине шла едва заметная трещина, будто её аккуратно перегнули ногтем, потом прижали обратно.

Марта взяла телефон, не выходя из машины, приблизила кадр и сделала снимок.

На экране пломба выглядела целой.

Она опустила телефон, посмотрела глазами.

Трещина была.

Снова подняла телефон.

Целая.

— Интересно, — сказала Марта.

Голос прозвучал слишком громко внутри машины. Она сразу пожалела, что произнесла это вслух. Не из суеверия. Просто в пустых местах любые слова быстро становятся лишними доказательствами.

Она сделала ещё три снимка под разными углами. На всех пломба была нетронутой. Тогда Марта достала из сумки маленький блокнот в твёрдой обложке и написала:

“17:49. Визуально пломба повреждена. На фото повре-

ждение не фиксируется.”

Подумала и добавила:

“Фотографии не считать достаточным подтверждением состояния объекта.”

Потом вышла.

Воздух у ворот пах мокрой липовой корой, холодным железом и старой бумагой. Последний запах был невозможен на улице, но Марта отметила его без комментариев. Сначала факты. Объяснения потом.

Она обошла створку ворот, не касаясь пломбы, сняла короткое видео и продиктовала время. На записи её голос прозвучал нормально. Пока.

Калитка открылась прежде, чем она нажала на ручку.

Не распахнулась. Просто подалась внутрь на несколько сантиметров, как дверь, которую придерживали с другой стороны и наконец отпустили.

Марта замерла.

— Не подтверждаю факт приглашения, — произнесла она сухо.

Фраза получилась странной, но профессиональная точность иногда выглядела странно. Особенно там, где пространство начинало вести себя как участник сделки.

Она вошла на участок.

Сад был запущен неравномерно. У забора трава стояла высокой, мокрой и тяжёлой. Возле дорожки к крыльцу она была примята ровной полосой, будто по ней недавно прохо-

дили. Не один раз. Марта присела, посмотрела на следы, но земля после дождя расплылась, ничего чёткого не оставив.

Крыльцо скрипнуло под её весом.

Потом скрип повторился.

Марта остановилась на второй ступени.

Второй звук пришёл из дома. Такой же — доска под весом. Не эхо: между её шагом и ответом прошла доля секунды, слишком большая для отражения, слишком маленькая для случайности.

Она поднялась до двери.

Замок был старый, тяжёлый. Ключ из нотариального конверта вошёл не сразу. Металл внутри провернулся туго, с сухим хрустом. Дверь открылась внутрь.

Первое, что Марта увидела, — прихожая была не пыльной.

Нет, пыль там была: по углам, на верхних полках, на резной раме зеркала. Но посередине пола тянулась чистая полоса. Крючок для верхней одежды блестел на сгибе. На маленьком столике у стены лежала свежая белая карточка.

Марта не вошла дальше порога.

Карточка была размером с почтовое уведомление. На ней чёрным машинным шрифтом значилось:

“Подтвердите получение ключей.”

Рядом лежала ручка.

Обычная синяя ручка с прозрачным корпусом. Новая. Таких не держат в закрытых домах десятилетиями, они появ-

ляются в офисах, на стойках регистрации и возле документов, которые кто-то хочет сделать простыми.

Марта посмотрела на карточку, на ручку, на связку ключей в своей ладони.

Потом убрала ключи в карман и достала перчатки.

Она не взяла карточку. Сначала сфотографировала столик, прихожую, положение предметов. Потом открыла в телефоне диктофон.

— Вошла в дом в семнадцать пятьдесят семь, — сказала она. — На столе у входа обнаружена карточка с требованием подтвердить получение ключей. Подписание не выполняю. Получение ключей подтверждено нотариальными документами ранее.

Она остановила запись и сохранила файл с датой.

На секунду в прихожей стало тихо так плотно, будто дом слушал не слова, а формат отказа.

Марта переступила порог.

Дверь за её спиной не закрылась. Это было хуже. Она осталась открытой, с серым прямоугольником вечера за спиной, и всё равно Марта почувствовала, как дом принял её внутрь. Не радостно, не голодно, не торжественно. Канцелярски.

Слева была гостиная. Справа — коридор, ведущий к кухне и служебным помещениям. Прямо — широкая лестница на второй этаж. Под лестницей стоял высокий шкаф для верхней одежды; его дверца была приоткрыта.

Марта не пошла к лестнице. Сначала — первый этаж.

Входные точки, окна, двери, следы вскрытия, документы.

Она сняла план из папки, разложила его на крышке сундука в прихожей и быстро сверила расположение комнат. Дом был построен в начале XX века, перестраивался дважды, потом перешёл к Агнии Сергеевне. В документах Агния значилась единственной владелицей. После её смерти наследство отошло Марте — дальней родственнице, но ближайшей из тех, кто не отказался от оформления.

Марта почти не знала Агнию. Несколько сухих писем, одно посещение много лет назад, открытка без подписи на Новый год, потом тишина. Не трагедия. Не семейная рана. Просто линия родства, которая внезапно превратилась в ключ, акт и дом за липовой аллеей.

В гостиной стояла лампа.

Она включилась, когда Марта вошла.

Не вспыхнула резко. Тёплый круг света просто появился на столе, будто кто-то повернул выключатель в соседней комнате. Марта подняла взгляд на потолок. Электричество по документам было отключено управляющей компанией через неделю после смерти Агнии.

Она подошла к лампе, не касаясь её, и посмотрела на шнур.

Вилка лежала рядом с розеткой.

Лампа горела без питания.

На столе под лампой лежала ещё одна карточка.

“Осмотр начат добровольно.”

Марта медленно выдохнула.

— Нет, — сказала она. — Осмотр начат в связи с наследственным делом. Добровольность выводом не является.

Свет в лампе мигнул.

На бумаге проступила тонкая серая линия, перечёркивающая слово “добровольно”. Мгновение спустя линия исчезла. Карточка снова стала чистой, аккуратной, уверенной.

Марта почувствовала первое настоящее раздражение. Страх пришёл тоже, но позже, на полшага позади. Раздражение было полезнее.

— Значит, так, — сказала она уже тише. — Ты не просто показываешь. Ты исправляешь.

Слово “ты” ей не понравилось. Оно делало дом собеседником. Собеседник мог задавать вопросы. Вопросы могли требовать ответа.

Марта закрыла рот.

Она прошла через гостиную, проверила окна. Закрыты изнутри. На шпингалетах слой пыли. Один подоконник чистый — узкая полоса, как от недавно передвинутой папки. Под подоконником валялся засохший липовый лист, хотя окна давно не открывали.

На кухню она не пошла. Оттуда пахло свежезаваренным чаем.

Не старым, не плесневым, не мышинным. Чёрный чай, чуть горький, с металлической ноткой дешёвого чайника. Марта остановилась у двери.

На кухонном столе стояла чашка.

Чистая. Белая. Без трещин.

От неё поднимался пар.

Марта смотрела на чашку несколько секунд, пока пар не стал складываться в тонкую вертикальную черту, похожую на росчерк в конце подписи.

Она закрыла кухонную дверь и записала в блокнот:

“Чашку не брать. Еду/воду не использовать. Предметы не перемещать без необходимости.”

Ручка в её пальцах вдруг пошла мягче, чем должна. Чернила легли толще. Она подняла блокнот к глазам.

Под её последней строкой появился ещё один текст. Не её почерк.

“Отказ от предложенного зафиксирован.”

Марта вырвала страницу.

Не скомкала, не бросила. Вложила в отдельный файл с прозрачным клапаном, подписала время и место. Если дом решил вести протокол, она тоже будет вести протокол.

Кабинет Агнии находился в глубине первого этажа. Дверь была закрыта, но не заперта. Перед входом висела маленькая табличка из потемневшей латуни: “А. С. Ракитина”. Буквы были процарапаны глубоко, не декоративно, как на служебной двери.

Марта надела вторую пару перчаток поверх первой.

Кабинет оказался слишком аккуратным.

Письменный стол у окна. Два шкафа с папками. Желез-

ный сейф в углу. На стене — старый план дома под стеклом. На подоконнике — высохшее растение в глиняном горшке. Все вещи стояли так, будто их готовили к описи.

Марта не любила такую заботу. Настоящие архивы сопротивляются: пыль, хаос, перепутанные годы, чужие закладки, человеческая небрежность. Когда всё разложено слишком удобно, значит, кто-то уже выбрал, что ты должен найти первым.

На столе лежала папка с коммунальными счетами. Под ней — технический паспорт дома. Под паспортом — копия завещания Агнии.

Марта не притронулась к завещанию. Вместо этого подошла к плану на стене.

План был старше документов из нотариальной папки. Бумага пожелтела под стеклом, линии туши выцвели до коричневого. Первый этаж: прихожая, гостиная, кухня, кабинет, библиотека, коридор, служебные помещения. За библиотекой — толстая несущая стена.

Марта сверилась с современным планом.

Стена совпадала.

Только в доме, пока она шла сюда, за библиотекой она видела не стену. Там стоял книжный шкаф, слишком широкий для простого шкафа, и пол возле него был вытерт дугой.

Она вернулась к столу и открыла технический паспорт. Переплёт хрустнул. Внутри к первой странице была прикреплена узкая полоска синей бумаги. Не закладка. Лента,

отрезанная ровно, как граница на полу.

На ней стояла фраза:

“Не заходить за линию без приглашения.”

Марта положила ленту обратно.

Потом достала телефон и включила видео.

— Кабинет Агнии Сергеевны Ракитиной, восемнадцать двадцать девять. Обнаружена синяя бумажная лента с текстом. Текст не является для меня инструкцией. Я не принимаю условия, не подтверждаю запрет, не подтверждаю приглашение.

Она хотела добавить “просто фиксирую”, но вовремя остановилась. “Просто” в таких местах часто становится слабым словом. А слабые слова любят чужие документы.

За её спиной тихо щёлкнул замок.

Марта повернулась.

Дверь кабинета была закрыта.

Она подошла, нажала ручку.

Ручка не опустилась.

Марта не стала дёргать. Сначала сняла ручку крупно, потом замочную скважину, потом общий план двери. Лишь после этого попробовала ещё раз.

Без результата.

— Дверь кабинета не открывается, — сказала она в телефон. — Причина неизвестна. Механических повреждений не вижу.

На экране запись шла. Красная точка мигала в углу.

Марта убрала телефон в нагрудный карман так, чтобы камера продолжала снимать, и осмотрела окно. Рама старая, двойная, с заевшим шпингалетом. Стекло толстое. В сад оно выходило низко, но открыть его было невозможно: ручка проворачивалась вхолостую.

Воздух в кабинете стал плотнее.

Не душно. Именно плотнее — словно каждый вдох проходил через несколько слоёв влажной ткани. Марта расстегнула ворот куртки, посмотрела на дверь и впервые ощутила, как дом перестал притворяться недвижимостью.

Он сделал ход.

Не скрипнул, не вздохнул, не показал тень. Просто запер её в комнате с документами и стал ждать, какую формулировку она выберет.

Марта подошла к двери и постучала костяшками.

— Я не прошу открыть, — сказала она. — Я фиксирую невозможность выхода.

Секунда.

Две.

На стене слева от двери потемнел прямоугольник. Обои там были старые, серо-зелёные, с едва различимым растительным узором. Прямоугольник проявился под ними, как мокрое пятно. Потом обои разгладились.

Дверь исчезла.

На её месте была ровная стена. Тот же узор, тот же плинтус, тонкая трещина в краске на высоте плеча. Не замаски-

рованная дверь. Не потайная панель. Стена, которая выглядела так, будто существовала здесь с момента постройки.

Марта не двинулась.

Страх наконец догнал раздражение и встал рядом.

Она медленно повернулась, осмотрела кабинет заново. Окно. Стол. Шкафы. Сейф. План на стене. Нет двери. Нет выхода.

Телефон всё ещё записывал.

Марта достала его из кармана, остановила запись и сразу включила просмотр последнего фрагмента.

На видео она подходила к двери. Говорила: “Дверь кабинета не открывается”. Потом стучала и произносила: “Я не прошу открыть. Я фиксирую невозможность выхода.”

Только её голос на записи сказал другое.

“Я остаюсь для осмотра.”

Марта поставила видео на паузу.

Перемотала.

Снова.

“Я остаюсь для осмотра.”

Голос был её. Интонация — спокойная, ровная, почти деловая. Как будто она действительно приняла решение и продиктовала его для акта.

Марта почувствовала холод на спине.

Не от призрака. От подделки.

Поддельный документ можно оспорить. Поддельную подпись можно показать эксперту. Но когда подделывают го-

лос прямо в момент записи, когда реальность и свидетельство расходятся на расстояние одного вдоха, человек остаётся один на один не с чудом, а с процедурой, которая уже переписывает протокол.

Марта открыла блокнот и написала крупно, нажимая так сильно, что ручка почти рвала бумагу:

“Видео искажено. Фраза заменена. Я НЕ говорила: ‘Я остаюсь для осмотра’.”

Она подчеркнула “НЕ” трижды.

Блокнот не изменился.

Пока.

Она заставила себя думать как на работе. В закрытом помещении всегда есть слабые места: вентиляция, полости, старые замурованные проходы, неплотности за шкафами. Если дом изменил дверь, значит, он либо создал стену, либо убедил её видеть стену. Обе версии плохие. Но в обеих надо искать шов.

Марта начала с плана.

За кабинетом располагалась библиотека. Между ними должна была быть перегородка, не несущая. В старых домах такие стены часто имели закладные проёмы, особенно если комнаты когда-то объединяли.

Она простучала стену справа от исчезнувшей двери. Глухо. Слева — тоже. Потом дошла до книжного шкафа с папками Агнии и услышала другой звук: пустой, длинный.

Марта сняла с полки несколько тяжёлых папок. За ними

обнаружилась задняя стенка шкафа, но не деревянная. Тонкий металл, окрашенный под старую фанеру. В углу — маленькая латунная ручка, утопленная в поверхность.

Рядом на полке стояла книга без пыли.

Корешок: “Формы добровольного подтверждения”.

Марта открыла её. Внутри не было страниц. Только вырезанная ниша и тонкий стержень, похожий на ключ для старого мебельного замка.

Она не взяла его пальцами. Поддела ножом для писем, вытянула, положила на папку и сфотографировала.

За стеной ударили.

Один раз.

Глухо, размеренно.

Не кулаком. Скорее печатью по толстой пачке бумаги.

Потом ещё раз.

Марта посмотрела на латунную ручку.

— Не просьба, — сказала она почти беззвучно.

Удар повторился.

Она вставила стержень в щель рядом с ручкой и повернула.

Металл внутри шкафа щёлкнул. Задняя стенка отъехала на два сантиметра. Из щели потянуло холодом, в котором стоял всё тот же запах старой бумаги, только сильнее — как в архивохранилище после вскрытия давно закрытого ящика.

Марта упёрлась плечом и открыла проход.

За шкафом был коридор.

Узкий, низкий, с голыми стенами, окрашенными в тусклый серый цвет. По полу шла синяя линия — такая же, как лента в техническом паспорте. Она начиналась прямо у порога, тянулась вперёд и терялась в темноте.

Коридора не было ни на одном плане.

Марта взяла со стола тяжёлый бронзовый пресс для бумаг и поставила его между металлической стенкой шкафа и косяком прохода. Если дом решит закрыть путь, пусть сначала объяснит физике, почему бронза должна уступить.

Пресс дрогнул.

Марта увидела это краем глаза.

Он не упал, не сдвинулся. Просто едва заметно повернулся, будто невидимая рука проверила его вес.

— Не получится, — сказала Марта и сразу пожалела.

В коридоре, далеко впереди, что-то ответило коротким щелчком.

Словно кто-то поставил галочку.

Она взяла фонарик, включила его и вошла.

Первые пять шагов коридор был обычным: стены, пол, синяя линия, сырой холод. На шестом шаге Марта оглянулась. Проход за спиной отдалился больше, чем должен был. Она прошла не дальше трёх метров, а шкаф казался уже в конце длинного серого рукава.

Она сделала шаг назад.

Шкаф не приблизился.

Дом не закрывал путь. Он растягивал расстояние.

Марта остановилась, присела и положила на пол у своей ноги монету из кармана. Потом сделала два шага вперёд и оглянулась. Монета лежала далеко, почти у самого прохода.

Она улыбнулась без радости.

— Пространственное искажение, — сказала она в диктофон. — Коридор увеличивает расстояние при движении вперёд. Возврат визуально затруднён.

Запись мигнула.

На экране высветилось: “Сохранить как: добровольное движение?”

Марта нажала “отмена”.

Телефон погас.

Из темноты пришёл голос.

— Не исправляй мою ошибку, повторяя её аккуратнее.

Марта подняла фонарик.

Голос был женский, старый, усталый. Не жалобный. Не зовущий. В нём не было мольбы, которая облегчает страх, потому что превращает неизвестное в просьбу. Этот голос говорил как человек, который не имеет права просить, потому что просьбы здесь опасны.

Марта знала голос Агнии Сергеевны только по одной записи на автоответчике, случайно сохранившейся в телефоне матери. Но сейчас узнала бы его без сравнения.

Она не ответила.

Положила телефон в карман, достала карандаш и записала фразу в блокнот. Карандаш не мог заменить слова на экране.

По крайней мере, Марта на это рассчитывала.

Коридор стал длиннее.

Не резко. Просто стенам понадобилось больше времени, чтобы дойти до света фонарика. Синяя линия под ногами оставалась ровной, без разрывов. Марта заметила, что если идти строго вдоль неё, сердце начинает биться быстрее. Если ставить ногу в стороне, пол едва заметно наклоняется, возвращая её к линии.

Она остановилась.

Синяя полоса проходила у носка ботинка. Такая аккуратная. Такая уверенная.

“Не заходить за линию без приглашения.”

Марта перешагнула через неё.

Дом ответил сразу.

Слева в стене открылась дверь, которой секунду назад не было. Из-за неё хлынул свет — не электрический, а серый, отражённый. Такой бывает в помещениях с большими окнами, выходящими на север.

Марта направила фонарик.

Дверь была узкая, высокая, с металлической табличкой без надписи. Пока луч скользил по ней, поверхность оставалась пустой. Когда Марта отвела фонарь, на табличке проступили буквы.

Марта Игоревна Ракитина.

Она не приблизилась.

Сфотографировала табличку с расстояния. На снимке ме-

талл был пустым.

Сфотографировала ещё раз. Пусто.

Поднесла телефон ближе, не переступая порог. На экране в режиме камеры надписи не было. Глазами — была.

Дом не хотел, чтобы имя осталось на фотографии. Ему достаточно было, что она его увидела.

Дверь открылась внутрь.

Медленно. Без скрипа. На хорошо смазанных петлях.

За ней была комната.

Марта сразу поняла: это не тайник. Не заброшенное помещение, случайно оставшееся между стенами. Комната была устроена. Предметы стояли на своих местах, и от этого стало холоднее.

Посередине — тяжёлый стол с зелёным сукном. У стены — зеркало в полный рост, слегка наклонённое вперёд, как человек, который слушает. Возле стола — кресло с деревянными подлокотниками. На полу вокруг кресла синяя лента образовывала прямоугольник. Не круг, не мистический знак, а границу рабочей зоны.

У окна стояла чертёжная доска.

На ней был закреплён лист с планом дома. Только план был неправильный: за библиотекой на нём значилась эта комната.

Слева на тумбе — фонограф с тёмным раструбом и несколько валиков в коробке. Рядом — нотариальные папки, перевязанные бечёвкой. На отдельной стойке — измери-

тельная рейка с металлическим бегунком, рассчитанная на взрослого человека. У дальней стены — пустой стул.

На стуле лежала фотография.

Марта не вошла.

Она стояла на пороге и смотрела.

В комнате не было пыли. Вообще. Ни на столе, ни на зеркале, ни на чертёжной доске, ни на раструбе фонографа. Воздух внутри был сухой и ровный, как в помещении, которое не забросили, а законсервировали до следующего использования.

На стене над столом висела узкая деревянная табличка.

“Дом не спит, когда кто-то говорит ‘да’.”

Марта прочитала её один раз.

Второй раз читать не стала.

На столе лежали две папки. Верхняя — старая, коричневая, с выцветшей наклейкой:

“А. С. Ракитина.”

Под ней виднелся край новой папки. Светло-серой. Чистой.

Марта уже знала, что на ней написано, но всё равно почувствовала, как пальцы сжались вокруг фонарика.

Она сделала шаг в комнату.

Синяя лента на полу не дрогнула. Зеркало не изменилось. Фонограф молчал. Дом позволял ей войти так, как позволяют подписанту подойти к столу.

Марта обошла ленту, не наступая на неё, подошла к столу

сбоку и с помощью платка приподняла старую папку.

На новой было её имя.

“М. И. Ракитина.”

Ниже — пустая строка для даты.

Пустая строка заполнилась, пока Марта смотрела.

Сегодняшнее число легло на бумагу тонкими чёрными цифрами.

Марта отступила на полшага.

В зеркале она не отступила.

Отражение осталось у стола. Потом медленно повернуло голову и посмотрело в сторону кресла.

Настоящая Марта не двигалась.

Отражение сделало шаг к креслу.

Марта с силой закрыла глаза.

Когда открыла, зеркало снова показывало её у стола. Бледную, напряжённую, с фонариком в руке.

Она взяла папку платком и открыла.

Первый лист был напечатан на плотной бумаге.

“Акт первичного присутствия.”

Ниже шли строки:

“Марта Игоревна Ракитина прибыла на объект наследования.”

“Марта Игоревна Ракитина вошла в дом.”

“Марта Игоревна Ракитина приступила к осмотру.”

“Марта Игоревна Ракитина не покинула объект до наступления темноты.”

“Марта Игоревна Ракитина ознакомилась с помещением, отсутствующим на плане.”

“Возражений, препятствующих дальнейшей процедуре, не заявлено.”

Последняя строка была выделена жирнее:

“Молчание может быть принято как форма предварительного согласия при наличии свидетеля.”

Марта смотрела на слово “свидетеля” дольше, чем на остальные.

Свидетеля не было.

Пока.

Именно это было самым плохим в документе. Он не описывал завершённое. Он готовил недостающее.

Она достала из внутреннего кармана свою рабочую тетрадь. Не блокнот, который уже пытались переписать, а тетрадь в плотной обложке, с пронумерованными страницами и прошитым корешком. Её трудно незаметно подменить. Не невозможно. Но трудно.

Марта открыла чистый разворот, написала дату, время, место и фразу:

“Обнаружен документ ‘Акт первичного присутствия’ в помещении, отсутствующем на плане. Содержание документа не подтверждаю. Выводы документа не принимаю. Молчание не является согласием.”

Она положила тетрадь рядом с актом и сфотографировала оба листа вместе.

В этот момент дверь северной комнаты закрылась.

Не хлопнула. Не ударила. Просто пришла в прежнее положение с мягким, окончательным звуком.

Марта бросилась к ней.

Ручки не было.

С внутренней стороны дверь представляла собой ровную деревянную панель с металлической табличкой. На табличке теперь было написано:

“Ознакомление начато.”

— Я не подтверждаю ни один вывод этого документа, — сказала Марта чётко.

Комната ответила.

Синяя лента на полу сдвинулась.

Она не поползла, как живая. Не зашуршала. Просто вся прямоугольная граница стала на несколько сантиметров ближе к ботинкам Марты. Кресло осталось на месте, стол остался на месте, зеркало осталось на месте. Изменилась только граница. Рабочая зона расширилась.

Марта отступила к стене.

Лента сдвинулась ещё.

В зеркале она уже сидела в кресле.

Отражение Марты было неподвижным. Руки лежали на подлокотниках. Спина прямая. Лицо спокойное — слишком спокойное, как на фотографии человека, которому сказали не двигаться до окончания процедуры.

Перед отражением на столе лежала папка.

Настоящая Марта подняла тетрадь и швырнула её в зеркало.

Тетрадь ударилась о стекло и упала на пол. Зеркало не треснуло. Отражение опустило взгляд на тетрадь, потом снова посмотрело на Марту.

На столе зашуршала бумага.

“Акт первичного присутствия” изменился. Ни одна рука его не касалась. Строки просто проявлялись ниже прежних.

“Возражение высказано.”

“Первый отказ принят к фиксации.”

“Необходима причина отказа.”

Под последней строкой возникла пустая графа.

Марта почувствовала давление в горле — не удушье, а желание ответить. Объяснить. Доказать. Заполнить пустое место правильной фразой. Профессиональная привычка тянула её к формулировке: отказ мотивирован тем-то, документ не имеет силы потому-то, помещение отсутствует там-то.

Она почти сделала шаг к столу.

Потом остановилась.

Графа ждала причину. Причина стала бы частью акта. Акт стал бы сильнее.

Марта подняла свою тетрадь с пола, отряхнула обложку и убрала её под куртку.

— Отказ не требует причины, предоставленной удерживающей стороне, — сказала она.

Слова прозвучали резко. Не красиво. Не героически. По-

что как раздражённая запись в протоколе. И именно поэтому комната впервые дала сбой.

Фонограф на тумбе щёлкнул.

Раструб повернулся к Марте на несколько градусов.

Изнутри послышался хрип воскового валика. Игла нашла дорожку. Голос был женский, не Агнии. Моложе. Жёстче. Голос человека, который давно устал быть услышанным неправильно.

— Если запись включилась, значит, он снова попросил причину, — произнесла женщина. — Не давайте её. Причина превращает отказ в предмет рассмотрения.

Фонограф щёлкнул и замолчал.

Марта не двинулась.

Вероника.

Имя не прозвучало, но оно было на краю понимания. Где-то в письмах, которых Марта ещё не нашла. В пустом стуле. В фотографии на сиденье. В комнате, построенной не для хранения вещей, а для обработки человека.

Синяя лента сдвинулась снова.

Теперь она почти касалась носков Марты.

Стена за её спиной стала холодной. Не влажной, не каменной — холодной, как металлический шкаф. Марта провела ладонью по поверхности и нащупала шов.

Дверь?

Нет. Панель. Узкая, почти незаметная. На уровне плеча — маленькая выемка.

Марта повернула голову к столу. На папке с её именем лежал тонкий латунный ключ. Его не было минуту назад.

Комната предлагала очевидное: возьми ключ, открой панель, выйди.

Слишком чисто.

Марта посмотрела на синюю ленту. Чтобы взять ключ, ей пришлось бы зайти в прямоугольник.

Она сняла с волос металлическую заколку. Волосы упали на лицо, но она не стала их поправлять. Разогнула заколку, вставила в выемку панели и нажала.

Ничего.

Синяя лента почти коснулась ботинка.

Марта нажала сильнее. Заколка погнулась.

Панель отошла на миллиметр.

Из щели пахло липовой корой и мокрым железом.

Лента коснулась подошвы.

Не было боли. Но через ботинок прошёл холодный удар, будто ногу поставили на металлическую плиту под током. Марта стиснула зубы и дёрнула панель на себя.

Та открылась.

За ней оказался узкий проход, выводящий не в коридор, а в пространство между стенами. Марта протиснулась внутрь боком, содрав плечом куртку о шершавую доску. Панель закрылась за ней прежде, чем синяя лента успела пересечь порог.

В темноте Марта стояла, тяжело дыша, и слушала.

За стеной северная комната молчала.

Потом бумага на столе снова зашуршала. Даже через стену она слышала этот звук. Тонкий, сухой, деловой.

Что-то дописали.

Проход между стенами вывел её в библиотеку.

Марта упала на колени, ударившись ладонью о пол, и сразу поднялась. Библиотека была длинной, с двумя рядами шкафов до потолка. У дальней стены — тот самый широкий книжный шкаф, который снаружи выглядел неподвижным.

Она вернулась.

Не через кабинет. Не через исчезнувшую дверь. Дом выпустил её туда, где хотел продолжить.

Марта посмотрела на часы.

19:03.

За окнами уже темнело.

В библиотеке пахло кожей переплётков, пылью и чем-то горьким. На столе для чтения лежала фотография, которую она видела в северной комнате на пустом стуле.

Теперь фотография была здесь.

Марта не хотела к ней подходить.

Значит, нужно было подойти.

На снимке — группа людей перед фасадом дома. Подпись внизу: 1914 год. Мужчина у окна второго этажа смотрел не в объектив, а чуть в сторону. Высокий, худой, в тёмном костюме. Лицо спокойное до неприятия.

На обороте было написано:

“Ю. В. до внесения изменений.”

Марта положила фотографию в файл.

Когда подняла глаза, увидела, что на столе лежит ещё один конверт.

Старый, серый, без марки. Не новый. Бумага пожелтела по краям, клапан был заклеен давно. На лицевой стороне — ничего. Но внутри что-то было.

Марта вскрыла конверт ножом для писем.

Почерк Агнии Сергеевны она знала по открытке. Наклон вправо, плотные буквы, резкие окончания слов.

Лист был коротким.

“Ты захочешь восстановить порядок. Он на это и рассчитывает.”

Марта почувствовала, как дом вокруг стал тише.

Не спокойнее. Именно тише. Как помещение, где все ждёт, что человек дочитает до нужной строки.

Она перевернула лист.

На обороте было ещё несколько фраз.

“Не спорь с домом вслух.”

“Не называй себя хозяйкой.”

“Не подтверждай очевидное.”

“Не принимай просьбы за вопросы.”

Марта читала стоя, не опираясь о стол. Ей вдруг стало ясно, почему Агния оставила это не в папке, не в завещании, не у нотариуса. Любой официальный документ дом мог включить в свою систему. Предупреждение должно было быть

частным, почти случайным, спрятанным так, чтобы оно не выглядело частью процедуры.

Сверху, на втором этаже, что-то упало.

Тяжёлое. Не книга. Не стул. Скорее крышка большого ящика или створка окна.

Потом раздался голос Агнии.

— Марта.

Она стояла неподвижно.

Голос пришёл с лестницы. Близко. Слишком близко для мёртвого человека и слишком точно для сквозняка.

— Марта, подними, пожалуйста.

Пауза.

Слово “пожалуйста” повисло в доме мягко и мерзко. Оно было идеально подобрано. Не приказ. Не угроза. Не ловушка, которую легко распознать. Обычная просьба, с которой приличные люди помогают друг другу, особенно если слышат знакомый голос из тёмного коридора.

Марта сжала лист Агнии так крепко, что бумага хрустнула.

Сверху снова что-то глухо сдвинулось.

— Марта, — повторил голос. — Ты слышишь?

Она не ответила.

В библиотеке зашевелились корешки книг. Не все сразу. Сначала один ряд, потом второй. На полке напротив Марты книги начали выдвигаться вперёд на одинаковое расстояние. Корешки образовали неровную фразу.

“ОТВЕТЬТЕ ДЛЯ ФИКСАЦИИ СОСТОЯНИЯ.”

Марта шагнула назад.

На столе рядом с её рукой лежала ручка.

Та самая синяя, с прозрачным корпусом, которую она оставила в прихожей.

Она не взяла её.

Вместо этого аккуратно сложила записку Агнии, вложила в файл, прижала к груди и пошла к выходу из библиотеки. Медленно. Не бегом. Бег в доме, который оформляет действия, мог стать “попыткой скрыться”, “паникой”, “невозможностью самостоятельного решения”. Дом любил готовые формулы. Марта уже видела, как он ими пользуется.

В прихожей было темнее, чем должно быть в семь вечера. Открытая входная дверь теперь была закрыта. На внутренней стороне висела карточка:

“Выход возможен после завершения первичного осмотра.”

Марта повернула ключ.

Ключ провернулся.

Дверь не открылась.

Сверху снова позвали:

— Марта, помоги.

Голос Агнии дрогнул. В нём появилась слабость, почти человеческая. Почти достаточная, чтобы забыть бумагу в руках и ответить: “Что случилось?”

Марта посмотрела на записку.

Последняя строка была не сразу заметна. Она проступила теперь, когда в прихожей стало темно, словно чернила ждали сумерек.

Ниже всех предупреждений, отдельно, с большим отступом, Агния написала:

“Марте. В первую ночь не отвечать ни на одну просьбу.”

Глава 2. Комната, которой нет на плане

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.